

- :

著者(英)	T.I. Yusupova, S. Chuluun
journal or publication title	Senri Ethnological Reports
volume	113
page range	59-63
year	2013-03-29
URL	http://doi.org/10.15021/00008894

Мелитина Ивановна Клягина-Кондратьева: *биография и научная деятельность*

Имя автора «Материалов к изучению буддийских монастырей в Монголии», сотрудника Ученого комитета Монголии в 1926 – 1930 гг. Мелитины Ивановны Кондратьевой (урожденной Клягиной, 1896 – 1971) стало известно благодаря публикациям ее дневников о жизни в Монголии известным российским монголоведом К.Н. Яцковской¹⁾.

Мелитина Ивановна родилась в семье орловских помещиков. В 1920-х гг. училась в Московском институте Востоковедения, который закончила по специальности ориенталист-индолог, работала в Москве, в Российской публичной библиотеке (с 1925 г. Государственная библиотека им. В.И. Ленина), знала 14 языков (английский, хинди, урду, санскрит и др.). Еще студенткой она познакомилась с Сергеем Александровичем Кондратьевым (1896 – 1970), который также был студентом этого Института, и в начале 1923 г. стала его женой²⁾. Летом этого же года С.А. Кондратьев в составе Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова 1923 – 1926 гг. и уехал в Монголию. Работая в экспедиции С.А. Кондратьев внес важный вклад в проведение археологических раскопок захоронений хунну в горах Ноин-Ула. По приглашению Ц.Ж. Жамцарано в 1925 г. С.А. Кондратьев стал сотрудником Монгольского Ученого комитета, где проработал до 1930 г.

В 1926 г. опять же по просьбе Ц.Ж. Жамцарано Монгольская комиссия при СНК СССР командировала М.И. Клягину-Кондратьеву в Улан-Батор. Здесь она, также как и муж, работала в Учкоме. Мелитина Ивановна была заведующей Фонда европейских книг библиотеки Учкома, проделала большую работу по его систематизации и каталогизации. В дневниках (1935 г.) она вспоминает один свой рабочий день в Учкоме в ноябре 1929 г.:

«Я подхожу к своей милой библиотеке, к своему детищу, с радостью. Вхожу в сени. Слева дверь в восточную часть, справа – в европейскую. Открываю замок. Зверский холод охватывает меня. Но за мной идет галчи-истопник, немолодой монгол с вечно подвязанной щекой, и растапливает печку. Иногда температура поднимается до того, что даже можно снять шубу или – чаще – накинуть ее на плечи. Я с гордостью оглядываю свою библиотеку. Из кучи ценных, но совершенно не приведенных в порядок книг, я уже создала книгохранилище по всем правилам. Я применила свой девятилетний опыт, полученный в Ленинской библиотеке, отдала всю свою любовь к библиотечному делу и вижу плоды. Книги стоят в шкафах, они снабжены всяческими библиотечными знаками: печать, шифр, систематический знак, инвентарный номер, заведены книги инвентарная и

топографическая, каталоги – алфавитный, систематический, отдельно – монголоведение. Я хочу закончить всю работу к 1 января и потому спешу, а работы много. Помимо окончания каталогов надо записывать новые книги, писать просьбы и заказы на книги, выдавать книги читателям (правда немногочисленным) и принимать их; недавно купили небольшое собрание книг – и его надо включить; надо позаботиться о переплете. Я работаю усердно и с удовольствием. Изредка покуриваю ганзу. Изредка смотрю в большие широкие окна. Одно выходит на восток, вдаль виднеются низкие снежные хребты; другое окно на юг; за ним все та же любимая Богдо-Ула. Ярко светит солнце. Небо синее-синее. Иногда кто-нибудь заходит. Нина Павловна [Шастина] пришла переменить книги и рассказала последнюю новость. Ринчино, красивый юноша, точно сошедший с буддийской иконы, пришел посоветоваться насчет каталога в восточной части; Эрдем-Баир, умный приятный молодой бурят, посидел часа два – каталогизировал рукописные материалы. Забежал Гомбоджаб, элегантный молодой человек, бывший князь, способный и бойкий, рассказал несколько случаев из своей жизни в Париже, где он провел года три и блеснул хорошим французским произношением. Впрочем, почти не бывает, чтобы за весь день зашло больше 1–2 человек. Иногда не бывает никого. Но мне не скучно. Я работаю с радостью, книги мне нравятся, ... Но вот близится 2 часа. Я подвожу итоги своей дневной работы в дневнике, разграфленном на разные разряды. Столько-то книг внесено в инвентарь, столько-то каталогизировано, столько-то написано карточек, систематических и алфавитных, столько-то выдано читателям и принято от них. Перечисляются и все другие работы. К концу месяца я сведу эти данные в месячный отчет, к концу года – в годовой. Работа подвигается: к 1 января, безусловно, кончу, выполню свой план. Забираю с собой пачку карточек, чтобы обработать их дома (иначе не успеть) и запираю дверь на замок. Иду домой»³⁾.

Мелитина Ивановна много помогала мужу в его исследованиях, ездили вместе с ним в экспедиции, где занималась коллекторской работой: собирала растения для гербария, насекомых, производила метеорологические наблюдения и др. Познавая Монголию, она увлеклась ее историей и культурой, заинтересовалась местной архитектурой. Свой интерес к изучению монастырей М.И. Клягина-Кондратьева объясняет тем, что всякий изучающий жизнь Монголии не может пройти мимо ее монастырей, поскольку они до последнего времени не утратили своего значения центров духовной и материальной культуры. Во всех экспедициях Мелитина Ивановна подробно осматривала большие и малые монастыри, делала заметки об их особенностях, чертила планы, просила С.А. Кондратьева фотографировать наиболее интересные здания⁴⁾. Экспедиционные поездки М.И. Клягина-Кондратьева подробно описала в своих дневниках, в которых приведены картинки быта посещенных монастырей, особенности их построек, портреты встречающихся в пути лам, разговоры с ними.

Итогом ее недолгого изучения монастырей стали, как она сама указывает

в воспоминаниях, очерк «Монастырь Бревен хит», отчет «Материалы к изучению буддийских монастырей в Монголии», посланный в 1929 г. в Академию наук СССР, и статья «О юртообразных зданиях Внешней Монголии»⁵). В этой публикации она попыталась ответить на вопрос: «Может ли возникнуть и развиваться зодчество в стране, где большинство населения ведет кочевой образ жизни?». Проведя обстоятельный анализ увиденных ею строений, делает вывод: «Мне кажется все же, что приведенного материала достаточно для того, чтобы признать факт существования монгольского национального зодчества, своеобразный стиль которого лишь по случайным причинам до сих пор не занял подобающего места в истории восточной архитектуры. Этот стиль можно было бы назвать «монгольский» по территориально-этнографическому признаку или «юртовым» по генетико-формальному»⁶).

Больше публикаций, посвященных архитектуре вообще и монгольской, в частности, у нее не было.

После возвращения в 1930 г. в Россию Кондратьевы поселились в Москве. Мелитина Ивановна работала переводчиком с английского, много переводила художественной литературы, любила и понимала музыку. С.А. Кондратьев продолжил прерванную экспедиционной работой в Монголии музыкальную деятельность, работал в московских театрах, много путешествовал по стране, писал популярные рассказы и книжки о природе. В конце жизни он систематизировал собранный еще в Монголии материал и подготовил монографию «Музыка монгольского эпоса и песен» (1970), которая была опубликована уже после его смерти. Мелитина Ивановна только на год пережила своего горячо любимого мужа: она умерла 4 февраля 1971 г. С.А. и М.И. Кондратьевы похоронены на кладбище Пулковской обсерватории, около Санкт-Петербурга, в фамильной могиле Кондратьевых⁷).

Отчет М.И. Клягиной-Кондратьевой «Материалы к изучению буддийских монастырей в Монголии. Опыт характеристики культовых и жилых построек в монастырях Кентея и Хангая» был составлен 5 февраля 1929 г. Он хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук, в фонде академика Ф.И. Щербатского⁸). Отчет представляет из себя 72 машинописные страницы с вклеенными 75 фотографиями храмовых строений, которые были сделаны во время трех научных экспедициях Ученого комитета Монголии летом и осенью 1926, 1927 и 1928 гг. С.А. Кондратьевым (58 фотографий) и А.Д. Симуковым (7 фотографий), а также четыре топографические планы, вычерченные сотрудником Учкома Ф.Ф. Большаковым.

Данный отчет М.И. Клягина-Кондратьева послала в Академию наук, поскольку к этому времени Монгольская комиссия, которая ее командировала в Улан-Батор, была переведена в состав Академии наук СССР. Как пишет сама

автор, «предлагаемый очерк не претендует на название научного исследования. Я мыслю его лишь как отчет о той области работы по изучению монгольских монастырей, которую я вела»⁹⁾. Это направление исследований российских ученых в Монголии поддерживал также непреходящий секретарь АН СССР, председатель Монгольской комиссии в 1927–1929 гг., академик С.Ф. Ольденбург (1863 – 1934). По-видимому, из Монгольской комиссии отчет передали одному из крупнейших российских буддологов, академику Ф.И. Щербатскому (1864 – 1942), в фонде которого он и хранится. Копия отчета была представлена также в Монгольский Ученый комитет.

Исходя из заявленного формата М.И. Клягина-Кондратьева излагает собранный и систематизированный ее фактологический материал, не рассматривая историю вопроса и приводит лишь основные публикации, использованные в ходе работы. Она представляет читателям самим делать соответствующие сопоставления и добавления к представляемому видеоряду, сопровождаемому указанием местонахождения храмовых построек и их краткой характеристикой.

«Материалы» М.И. Клягиной-Кондратьевой, на наш взгляд, являются важным дополнением к изданному в 2009 г. в Монголии фундаментальному труду «История монгольских монастырей» (Улаанбаатар, 2009) и еще одним вкладом российских исследователей в изучение истории и культуры Монголии.

Рукопись М.И. Клягина-Кондратьева ««Материалы к изучению буддийских монастырей в Монголии...» публикуется полностью, без сокращений и купюр. Орфография и пунктуация текста даются в соответствии с современными правилами, при сохранении стилистических особенностей автора. Восстановленные части слов или их предположительное прочтение приводятся в квадратных скобках. Сокращенные слова дополняются без квадратных скобок в случаях, не имеющих другого толкования, кроме предложенного составителями (кк – как, оч. – очень и т.п.).

Написание географических названий и названия монастырей приводятся по авторскому тексту. Примечания составителей специально оговариваются.

Т.И. Юсупова, С. Чулуун

Примечания

- 1) Из воспоминаний М.И. Клягиной-Кондратьевой / публикация К.Н. Яцковской // *Mongolica* – VII. СПб., 2007. С. 93 – 94; *Клягина-Кондратьева М.И.* Дневниковые записи. Хангайская экспедиция 1928 г. / публ. и прим. К.Н. Яцковской // *Mongolica* - V. СПб., 2001. С. 125 – 156; *Клягина-Кондратьева М.И.* 1-я Кентейская (Ононская экспедиция) / публ. и прим. К.Н. Яцковской // *Российское монголоведение*. Бюллетень. IV. М., 1996. С. 125-142; *Клягина-Кондратьева М.И.* Гобийская

- экспедиция 1929 / публ. и прим. К.Н. Яцковской // Российское монголоведение. Бюллетень V. М., 1996. С. 412 – 435
- 2) Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896 – 1970) в Монголии и России / ред.-сост. И.В. Кульганек и В.Ю. Жуков. СПб., 2006.
 - 3) Из воспоминаний М.И. Клягиной-Кондратьевой / публикация К.Н. Яцковской // *Mongolica* – VII. СПб., 2007. С. 93 – 94.
 - 4) Из воспоминаний М.И. Клягиной-Кондратьевой / публикация К.Н. Яцковской // *Mongolica* – VII. СПб., 2007. С. 98.
 - 5) Советская этнография. 1935. № 3. С.14 – 41.
 - 6) Советская этнография. 1935. № 3. С. 39.
 - 7) Жизнь и научная деятельность С.А. Кондратьева (1896 – 1970) в Монголии и России / ред.-сост. И.В. Кульганек и В.Ю. Жуков. СПб., 2006. С. 29 – 30.
 - 8) СПФА РАН. Ф. 725. Оп.4. Д. 29.
 - 9) СПФА РАН. Ф. 725. Оп.4. Д. 29. Л.1.